

*М. А. Шестернина
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.фил.н., профессор Г.П. Козубовская*

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС «ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ» В ЭПИСТОЛЯРИИ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация

Эпистолярная поэтика русских писателей – в центре внимания лингвистов, культурологов, литературоведов. В исследовании чеховского эпистолярия до сих пор остаются «белые пятна». Семантический комплекс «последняя любовь» – своего рода доминанта в письмах А.П. Чехова к О.Л. Книппер. Мотив последней любви реализуется на разных уровнях эпистолярной структуры в игровой поэтике Чехова.

Ключевые слова: игровая поэтика, мотив, письмо, эпистолярный, семантический комплекс

Эпистолярный – сложный и слабо изученный феномен культуры. Располагаясь на границе между «документальным» и «художественным», письма – объект исследования нескольких дисциплин: истории, литературоведения, языкознания, культурологии и др. Тем не менее, недостаточно прояснена природа писем, специфика диалогичности, формы репрезентации автора и адресата, жанрово-стилевая специфика и т.д.

Письма долгое время рассматривались в литературоведческой науке исключительно как документальный источник в изучении личности писателя. В 20-30-е гг. XX в. русские формалисты включили их в состав такого понятия, как «литературный быт». О пристальном внимании к письму свидетельствуют появившиеся в последнее время диссертации и монографии [1, 5]. Наблюдается всплеск интереса к письму ученых-лингвистов.

Письма Чехова представляют собой одно из самых значительных эпистолярных собраний в литературном наследии русских классиков. Всего сохранилось около 4400 писем, написанных в течение 29 лет – с 1875 по 1904 год.

Отношение к письмам Чехова неоднозначно. Наряду с восторженными отзывами («Письма восхитительны и могли бы дать материала на целую огромную статью» писал И. Бунин [цит. по: 9, XIX, с. 178]) – негативные (как, например, Вл. Ходасевича: «...подвернулись мне письма Антона Павловича Чехова – Царство ему небесное, но был бы он жив, я бы его повесил» [7, с. 397]). Объяснение подобного восприятия писем и самого Чехова писателями начала XX века содержится в содержательной работе Н.В. Капустина [4]. Исследование писем Чехова ведут преимущественно лингвисты [3, 6, 8, 10], в

меньшей степени – литературоведы [2].

Несмотря на то, что переписка А.П. Чехова с О.Л. Книппер-Чеховой попадала в поле зрения ученых, в ее исследовании есть «белые пятна».

О сложном отношении Чехова к браку пишут многие его биографы (Д. Рейфилд, И. Шкуратова и др.), ссылаясь на письмо к А.С. Суворину от 23 марта 1895 г.: «...но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день: от того, что я женюсь, писать я не стану лучше» [9, VI П, с. 40].

Семантический комплекс «последняя любовь» – своего рода доминанта в письмах А.П. Чехова к О.Л. Книппер – выражается и в структурных элементах писем, и в их игровой поэтике.

В начальный период переписки формулы вежливости в письмах Чехова к Книппер достаточно специфичны. В именовании ее актрисой – некоторое дистанцирование, отчужденность. Свое восхищение актрисой Книппер писатель выражает варьированием эпитетов («великая», «драгоценная»). Параллели – актриса и любимая женщина – сопряжены эпитетом «милая» («милая актриса»), а в других письмах 1900 г. – нагромождение эпитетов («милая, необыкновенная актриса», «милая, восхитительная актриса...»). Позиция поклонника / стороннего наблюдателя, предполагающая особый тип поведения (сидеть в углу скромно, не приближаясь, не навязываясь), оригинально обозначается в письме от 28 декабря 1900 г., демонстрируя максимум отстранения: «Мне бывает очень приятно, когда тебя хвалят. А тебя, можешь ты себе представить, очень хвалят» [9, IX П, с. 182-183]. Здесь позиция отстранения демонстративно подчеркнута: «Говорят, будто ты хорошая актриса» [9, IX П, с. 168].

И в то же время именно в этом письме – предельность душевной близости, принимающей шуточную форму: «Ну, деточка, будь здорова и счастлива. Я твой! Возьми меня и съешь с уксусом и прованским маслом. Крепко тебя целую. Твой Antoine» [9, IX П, с. 167]. В зооморфных формулах - предельное выражение интимности («собачка, милый мой песик», «таракаша» и т.д.), аналогично и в детских («карапузик», «балбесик» и т.д.).

В формулах прощания также очевидная динамика. Поначалу они сопровождаются обязательным поцелуем или пожатием руки, пожеланием, здоровья, счастья. Позже обрастают ласковыми прозвищами адресата и шуточными действиями. См., например, неожиданную оксюморонную формулу: «До свиданья, Оля моя хорошая, крокодил души моей!» [9, IX П, с. 111], смысл которой в намеке на терзающий душу объект. Нежные формулы («Ну, будь здорова, богом хранима, карапузик мой, актрисуля, собака» [9, IX П, с. 137] перемежаются со «свирепыми», связанными чаще всего с недовольством от отсутствия писем («Жестокая, свирепая женщина, сто лет прошло, как от тебя нет писем. Что это значит?... Пиши, собака! Рыжая собака! Не писать мне писем – это такая низость с твоей стороны!» [9, IX П, с. 179], или с «извинительными» («Милая Книппуша, драгоценная моя, не сердись, что пишу

тебе не каждый день. Так слагаются обстоятельства. Каждый день что-нибудь мешает жить и писать... Послушайся меня, Книппуша, будь разумной женой» [9, X П, с. 122]). В некоторых названиях – намек на семейный статус («Благословляю тебя, половина моя хорошая» [9, X П, с. 62], «Ну, обнимаю мою супружницу» [9, X П, с. 156]), ироничная тема старости, уравнивающая любящих («Целую и обнимаю мою старушку» [9, X П, с. 71]), подтрунивание над захандрившей женой («Ну, замухрышка, прощай, будь здорова! Не смей хандрить и петь Лазаря. Смейся» [9, X П, с. 154]).

Шуточная концовка обыгрывает количество поцелуев, выражающих беспредельность любви: «Целую тебя крепко, крепко, четыреста раз» [9, IX П, с. 230-233], «Целую тебя крепко, до обморока, до ошаления. Не забывай твоего Antoine» [9, IX П, с. 117], «Целую сто тысяч раз» [9, X П, с. 138], «Целую тебя без счета» [9, X П, с. 134], «Голова кружится от дорожного утомления, сегодня ничего не стану писать, напишу завтра, а сегодня только позволь поцеловать тебя 10 000 раз, деточка моя» [9, X П, с. 151], «Целую тебя 1 013 212 раз. Вспоминай обо мне» [9, X П, с. 108]. Нарастающее количество поцелуев как заклинательная формула, пробуждающая память.

Специфика эпистолярной поэтики Чехова проявляется в ролевом поведении, основанном на обыгрывании собственного имени.

Имя «Антон» греческого происхождения. С лат. переводится как «превосходящий», «противостоящий» (греч., лат.). Старая форма этого имени – «Антоний». Производные формы имени Антоний – Antonio, Antoine, Антониус в своих вариациях задают разнообразные «сюжеты». «Ваш Antonio academicus», «Академик Тото» – намек на должность и социальный статус, иронически возвышающий его (к избранию почетным академиком Чехов относился весьма иронично); «Твой Antonio», «Antoine», «Твой муж Антон», «Твой муж Antoine» – намек на степень родства и близости; аналогично «Твой Ан<тон>», «Антониус» и т.д.

Итак, имя – знак семейного герметизма, оно создает подтекст, отсылая к известным только очень близким людям обстоятельствам.

Помимо обыгрывания имени, Чехов использует прием замещения имени прозвищем, формируя ассоциативный сюжет. Таков, например, детективный сюжет («Я решил не писать Вам, но так как Вы прислали фотографии, то я снимаю с Вас опалу и вот, как видите, пишу. Даже в Севастополь приеду, только, повторяю, никому об этом не говорите, особенно Вишневному. Я буду там incognito, запишусь в гостинице так: граф *Черномордик*» [9, IX П, с. 51]). Безумие страсти выражено в формуле «Твой влюбленный в Книппиц дуралей» [9, X П, с. 12]. Особенно часто иронически обыграны роль мужа («Твой муж под башмаком», «Твой муж в шерстяных кальсонах», «Твой мужчинка»).

Подпись «Твой Тото, титулярный советник и кавалер» появляется в письме, где испытывающий хандру Чехов буквально хватается как за соломинку за письма жены («Но ведь без твоих писем я зачахну» [9, IX П с. 172]). Или: «Остаюсь любящий тебя *Академик Тото*» [9, IX П с. 190].

Монашья тема задана подписью «*Твой Антоний. Иеромонах*», которая в одном из писем оговаривается: «Только почему ты не хочешь, чтобы я подписывался иеромонахом? Ведь я живу теперь совершенно по-монашески и имя у меня монашеское. Ну, ладно, не буду больше иеромонахом» [9, IX П с. 224]. Но даже отказ от «чужого» имени не перечеркивает тему: «Оля, жена, поздравь меня: я остригся!! Я живу, как монах, и одна ты только снишься мне. Хотя в 40 лет и стыдно объясняться в любви, но всё же не могу удержаться, собака, чтобы еще раз не сказать тебе, что я люблю тебя глубоко и нежно. Целую тебя, обнимаю и прижимаю тебя к себе. Будь здорова, счастлива, весела! Твой Antoine» [9, X П, с. 102-103].

Имена и прозвища в чеховской эпистолярной поэтике не формального характера, они все связаны со сквозными сюжетами.

Игровая поэтика Чехова задает двуслойность текста: за шуточным разыгрыванием ролей скрыто серьезное чувство. Так, в письме от 22 января 1900 г. прорываются муки ревности по отношению к таинственной фигуре, одетой по моде: «Отчего Вы не пишете? Что случилось? Ну, что делать, бог с Вами...» и в конце: «Итак, стало быть, Вы мне не пишете и нескоро еще соберетесь написать. Виною всему муаровые шелковые отвороты на сюртуке. Я понимаю Вас!» [9, IX П, с. 45]. Или гипотетический сюжет перехвата его писем к нему (Здравствуйте, милая актриса! Вы сердитесь, что я так долго не писал Вам? Я писал Вам часто, но Вы не получали моих писем, потому что их перехватывал на почте один наш общий знакомый» [9, IX П, с. 8]).

Возвышая ее, Чехов как бы принижает себя, так возникают оппозиции больной/ здоровая, мрачный / веселая, великая / скромный. Полноте жизни в пожеланиях контрастирует умалению себя, подчеркиванию своей незначительности (в одной из подписей – «заштатный писатель»).

Мотив ревности («Ты редко пишешь мне, это я объясняю тем, что я уже надоел тебе, что за тобой стали ухаживать другие. Что ж? Молодец, бабуся!» [9, IX, с. 120]) развернут в сюжетах поддразнивая. Таков, например, мотив женитьбы и невесты в духе ранних рассказов: «Благодарю за пожелания по поводу моей женитьбы. Я сообщил своей невесте о Вашем намерении приехать в Ялту, чтобы обманывать ее немножко. Она сказала на это, что когда “та нехорошая женщина” приедет в Ялту, то она не выпустит меня из своих объятий. Я заметил, что находиться в объятиях так долго в жаркое время – это негигиенично. Она обиделась и задумалась, как бы желая угадать, в какой среде усвоил я этот *façon de parler*, и немного погодя сказала, что театр есть зло и что мое намерение не писать больше пьес заслуживает всякой похвалы, – и попросила, чтобы я поцеловал ее. На это я ответил ей, что теперь мне, в звании академика, неприлично часто целоваться. Она заплакала, и я ушел» [9, IX П, с. 46].

В некоторых письмах разыгрывание роли Дон Жуана («Сегодня пошел в город по делу, встретил там Верочку и привел ее к нам обедать. Эта Верочка

приехала из Харькова. Богатая невеста. Видишь, какой я Дон-Жуан!») предваряет ревнивые подозрения: «Ты ходишь с Вишневым в оперетку? Гм...» [9, IX П, с. 104]. Сюжет ревности к сопернику завершается мстительным жестом: «Если ты выйдешь за Вишневого когда-нибудь, то не по любви, а из расчета. Рассудишь, что малый он ничего себе, и выйдешь. Очевидно, он рассчитывает на то, что скоро ты овдоеешь, но скажи ему, что я, на́зло, оставлю завещание, в котором запрещаю тебе выходить замуж» [9, X П, с. 19].

И, наоборот, обещания награды также принимают шуточный характер: «Пиши мне почаще, не скупись. За это я тебя награжу, я тебя буду любить свирепо, как араб. Прощай, Оля, будь здорова и весела» [9, IX П, с. 104]. Или в другом: «Из Сахары вернусь я тропически знойным, пыльным адски» [9, IX П, с. 193].

Невыразимость тоски присутствует в подтексте мотива портрета. Отказной жест («Больше писать не буду, пока не пришлете портрета» [9, IX П, с. 127] сменяется пристальным разглядыванием фотографий и «сочинения» биографии, подобно персонажам своих рассказов: «Милая актриса, фотографии очень, очень хороши, особенно та, где Вы пригорюнились, поставив локти на спинку стула, и где передано Ваше выражение – скромно-грустное, тихое выражение, за которым прячется чёртик. И другая тоже удачна, но тут Вы немножко похожи на евреечку, очень музыкальную особу, которая ходит в консерваторию и в то же время изучает на всякий случай тайно зубо­врачебное искусство и имеет жениха в Могилеве; и жених такой, как Манасевич. Вы сердитесь? Правда, правда, сердитесь? Это я мщу Вам за то, что Вы не подписались» [9, IX П, с. 51].

В некоторых письмах прорывается лиризм и элегизм. «Мне все кажется, что отворится сейчас дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь, ты теперь на репетициях или в Мерзляковском переулке, далеко от Ялты и от меня. Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы хранители. Прощай, девочка хорошая. Твой Antonio» [9, IX П, с. 98].

И страх разочарования, скрытый в шуточном портретировании: «Сапоги желтые, о которых ты спрашиваешь, не чищены с того дня, как я проводил тебя. И меня никто не чистит. Хожу весь в пыли, в пуху и в перьях» (усиление мотива одичания, неухоженности, заброшенности) [9, IX П, с. 100]. Мотив старости – сквозной: «Мне так надоело рыскать, да и здоровье мое становится, по-видимому, совсем стариковским – так что ты в моей особе получишь не супруга, а дедушку, кстати сказать. Я теперь целые дни копаюсь в саду, погода чудесная, теплая, всё в цвету, птицы поют, гостей нет, просто не жизнь, а малина. Я литературу совсем бросил, а когда женюсь на тебе, то велю тебе бросить театр и будем вместе жить, как плантаторы. Не хочешь? Ну, ладно, поиграй еще годочков пять, а там видно будет» [9, X П, с. 229-230].

Мотив последней любви возникает уже в обращениях «Здравствуйте, последняя страница моей жизни, великая артистка земли русской», «Будь

здоровая и счастливая, немочка моя хорошая. Не хандри, спи крепко и пиши мне почаще. Целую тебя крепко, крепко, четыреста раз» [9, X, с.161].

Список литературы

1. Акимова, Т.П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX-XX вв.). Дис. д-ра филол. наук / Т.П. Акимова. – Волгоград, 2016. – 421 с.
2. Громов, М.П. А.П. Чехов в переписке с современниками / М.П. Громов // Переписка Чехова: в 2 т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 5-35.
3. Дорфман, И.И. Речевой жанр приветствия/прощания в эпистолярном наследии А.П. Чехова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 132. – С. 86-91.
4. Капустин, Н.В. З. Гиппиус о Чехове (К вопросу об античеховских настроениях в культуре «серебряного века») / Н.В. Капустин // Чеховиана: сб. статей. Из века XX в XXI: итоги и ожидания / [отв. ред. А.П. Чудаков]. М., 2007. С. 176-188. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Chekhov-2.html>. (17.04.2017).
5. Ковалева, Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура / Н.А. Ковалева. – М.: СТ-ВИНТ, 2001. – 285 с.
6. Кыштымова, Т.В. Ономастическая игра в частной переписке А.П. Чехова (на примере обращений и самопрезентаций) / Т.В. Кыштымова // Молодой ученый. – 2010. – №3. – С. 188-190.
7. Ходасевич, Вл. Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 т. / Вл. Ходасевич. – М.: Согласие, 1997. Т. 4. – 744 с.
8. Четверикова, О.В. Специфика обращений в эпистолярном наследии А.П. Чехова / О.В. Четверикова // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сборник научно-методических статей. – Вып. 2. – Армавир: РИО АГПА, 2014. – С. 37-39.
9. Чехов, А.П. Собрание сочинений Письма. В 12 томах. Т. 9. – М.: Наука, 1978. – 775 с.; Т.9. – М.: Наука, 1980. – 616 с.; Т. 10. – М.: Наука, 1981. – 600 с.
10. Шишкина, А.А. Эпистолярный жанр в современных диссертационных исследованиях / А.А. Шишкина // Михаил Муравьев и его время: сборник статей и материалов Пятой Всероссийской научно-практической конференции. – Казань, 2015. – С. 108-113.